

Библиотека Всемирной Литературы



АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО

Рассказы



Аркадий Тимофеевич Аверченко Хомут, натягиваемый клещами (Московское)

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=615525
Аверченко А.Т. Рассказы: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-29281-3*

Аннотация

«... Москвич кротко сидел дома и терпеливо пил черемуховый чай с лакрицей вместо сахара, со жмыховой лепешкой вместо хлеба и с вазелином вместо масла.

Постучались. ...»

Аркадий Аверченко

Хомут, натягиваемый клещами (Московское)

Москвич кротко сидел дома и терпеливо пил черемуховый чай с лакрицей вместо сахара, со жмыховой лепешкой вместо хлеба и с вазелином вместо масла.

Постучались.

Вошел оруженосец из комиссариата.

– Так что, товарищ, пожалуйста по наряду на митинг. Ваша очередь слушать.

– Ишь ты, ловкий какой! Да я на прошлой неделе уже слушал!

– Ну что ж. А это новый наряд. Товарищ Троцкий будет говорить речь о задачах момента.

– Послушайте... ей-богу, я уже знаю, что он скажет. Будет призывать еще годика два потерпеть лишения, будет всех звать на красный фронт против польской белогвардейщины, против румынских империалистов, будет обещать на будущей неделе мировую революцию... Зачем же мне ходить, если я знаю?..

– Это меня не касается. А только приказано набрать 1640 штук, по числу мест, – я и набираю...

– Вот тут один товарищ рядом живет, Егоров ему фами-

лия, кажется, он давно не был. Вы бы к нему толкнулись.

– Нечего зря и толкаться. Вчера в Чека забрали за пропуск двух митингов. Так что ж... Записывать вас?

– У меня рука болит.

– Чай, не дрова рубить! Сиди, как дурак, и слушай!

– Понимаете, сыпь какая-то на ладони, боюсь застудить.

– Можете держать руку в кармане.

– А как же аплодировать? Ежели не аплодировать, то за это самое...

– Хлопай себя здоровой рукой по затылку – только всего и дела.

Хозяин помолчал. Потом будто вспомнил:

– А то еще в соседнем флигеле живет один такой: Пантелеев. До чего любит эти самые митинги! Лучше бы вы его забрали. Лют до митинга! Как митинг, так его и дома не удержишь. Рвется прямо.

– Схватились! Уже третий день на складе у нас лежит. Разменяли. Можете представить – заснул на митинге!

– Послушайте... А вдруг я засну?

– В Чеке разбудят.

– Товарищ... Стаканчик денатуратцу – разрешите предложить?

– За это чувствительно благодарен! Ваше здоровье! А только ослобонить никак не возможно. Верите совести: целый день гойдаю, как каторжный, все публику натягиваю на эти самые митинги, ну их... к этому самому! У всякого то

жена рожает, то он по службе занят, то выйти не в чем. Масса белобилетчиков развелось! А один давеча, как дитя, плакал, в ногах валялся. «Дяденька, – говорит, – увольте! С души прет, – говорит, – от этого самого Троцкого. Ну что, – говорит, – хорошего, ежели я посреди речи о задачах Интернационала – в Ригу вдруг поеду?!» Он плачет, жена за ним в голос, дети вой подняли, инда меня слеза прошибла. Одначе – забрал. Потому обязанность такая. Раз ты свободный советский гражданин – слушай Троцкого, сволочь паршивая! На то тебе и свобода дадена, чтоб ты Троцкую барщину сполнял! Так записать вас?

– А, ч-черт!.. А что, не долго будет?

– Да нет, где там долго! Много ли – полтора-два часа. Черт с ними, идите, господин, не связывайтесь лучше! И мне, и вам покойнее. Речь Троцкого, речь Бухарина, речь венгерского какого-то холуя – да и все. Ну, потом, конечно, лезорюция собрамшихся.

– Ну вот видите – еше и резолюция. Это так задержит...

– Контора задержит? Лезорюция?! Да она уже готовая, отпечатанная. Вот у меня и энземплярчик есть для справки.

Оруженосец отставил ружье, пошарил в разносной сумке и вынул серую бумажку.

Москвич прочел:

Мы, присутствовавшие на митинге тов. Троцкого, подавляющим большинством голосов вынесли полнейшее одобрение всей советской политике, как

внутренней, так и внешней; кроме того, призываем красных товарищей на последний красный бой с белыми польскими панами, выражаем согласие еще сколько влезет терпеть всяческие лишения для торжества III Интернационала и приветствуем также венгерского товарища Бела Куна! Да здравствует Троцкий, долой соглашателей, все на польских панов! Следует 1639 подписей.

Прочел хозяин. Вздохнул так глубоко, что на рубашке отскочила пуговица.

– Ну что же... Ехать так ехать, как сказал Распутин, когда Пуришкевич бросал его с моста в воду.